

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

СТЕФАН ЧАРНОВСКИЙ

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ В КУЛЬТУРЕ

Публикуемый текст представляет собой перевод работы выдающегося польского ученого Стефана Чарновского (*Czarnowski S. Dawność a terażniejszość w kulturze // w: tegoż, Dzieła, t.1: Studia z historii kultury, Warszawa 1956. S. 100–113*). Перевод с польского на русский язык осуществлен А.Г. Васильевым¹.

Ключевые слова: культура, прошлое, настоящее, будущее, образ героя.

От переводчика

Стефан Чарновский – выдающийся польский ученый межвоенного периода, один из создателей польской профессиональной социологии, автор оригинальной концепции исторической социологии культуры. Благодаря его активности Варшавский университет стал вторым после Познаньского учебным заведением в Польше, которое начало подготовку социологов.

Он родился в местечке Крочев в восточной части Польши, тогда входившей в состав Российской империи 1 сентября 1879 г. С 1898 по 1902 год учился в Лейпциге и Берлине. В 1902 г. за деятельность в польских организациях был выслан из Германии и переехал в Париж. Изучал социологию в Сорбонне и Коллеж де Франс. В 1911 г. окончил Высшую школу практических исследований. В 1912 г. вернулся в Польшу и начал журналистскую и общественную деятельность в Варшаве, издавал «Польский еженедельник». В 1914 г. уклонился от призыва в российскую армию и в 1915 г. вступил в Легионы. В 1916 г. был арестован немецкими властями. До 1923 г. оставался на службе в польской армии, преподавал, готовил офицеров. В 1919 г. в Париже на французском языке вышла его завершенная еще в 1911 г. работа «Культ героев и его социальные основания. Святой Патрик – национальный герой Ирландии». Предисловие к ней написал учитель С. Чарновского, один из ведущих представителей школы Дюркгейма, А. Юбер. Эта работа сделала Чарновского известным в мировой науке в первую очередь в качестве специалиста по истории религии. После окончания военной службы Чарновский преподает в разных учебных заведениях. В 1925 г. получает хабилитацию по истории религии в Варшавском университете и с 1926 г. становится его штатным сотрудником. В 1929 г. он стал членом-корреспондентом Польской

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода», проект №13-01-00070.

академии (Polskiej Akademii Umiejętności), с 1931 г. действительный член Варшавского научного общества. В 1930 г. получил кафедру истории культуры и должность внештатного профессора Варшавского университета, с 1934 г. С. Чарновский – профессор социологии и истории культуры Варшавского университета, его кафедра становится кафедрой социологии и истории культуры, первым социологическим подразделением Варшавского университета.

С. Чарновский имел большой международный авторитет. Единственный нефранцузский представитель школы Дюркгейма, в 1924 г. он был приглашен в число основателей Французского института социологии (Institut Français de Sociologie), созданного Марселем Моссом в Сорбонне. В 1928 г. Практическая школа высших исследований (École Pratique des Hautes Études) в Париже пригласила его, своего бывшего выпускника, к себе с циклом лекций. Неоднократно представлял он польскую науку на крупнейших международных исторических и религиоведческих форумах.

В своей научной методологии ученый сочетал основные положения Дюркгейма с все более усиливавшимся со временем увлечением марксистом, создав интересный творческий синтез этих подходов. Его политические взгляды прошли сложный путь от правой национальной демократии через Польскую социалистическую партию к более левым взглядам и симпатиям к рабочему движению. Чарновский был активным антифашистом. Резко выступал он против польских профашистских организаций и их попыток влиять на университетскую среду, против антисемитизма польских правых, активно участвовал в созданной польскими интеллектуалами левой ориентации Лиги защиты прав человека. За это он стал объектом травли право-националистической прессы и внезапно скончался в Варшаве 29 декабря 1937 года в возрасте 58 лет.

Изданная посмертно книга С. Чарновского, которую он писал с 1932 г. и издавал отдельными очерками, называлась «Культура» и содержала в себе анализ наиболее важных культурологических проблем.

В современной польской гуманитаристике происходит «поворот к Чарновскому». Очевидно, что только современный научный контекст создал возможность для адекватного прочтения его трудов и оценки его деятельности. Именно «культурный поворот» 1980-х гг., охвативший своим влиянием и социологию, «культурологизация» современной социологии, появление «новой культурной истории», развитие *cultural studies* создали новую ситуацию восприятия идей Чарновского. Кроме того, и это для нас особенно важно, взглянуть на них в новой перспективе стало необходимо в контексте *memory studies*, изучения коллективной/культурной/социальной памяти. С этой точки зрения, С. Чарновский предстает перед нами как один из главных создателей этой области знания в Польше и один из мировых классиков дисциплины наравне с Морисом Хальбваксом и Аби Варбургом.

Чарновский работал над проблемами коллективной памяти параллельно с Дюркгеймом. Исследование культа Святого Патрика было завершено за год до публикации «Элементарных форм религиозной жизни» (1912), и лишь вопрос с публикацией исследования растянулся на несколько лет, до 1919 г. Поэтому можно сказать, что Чарновский шел вполне самостоятельным путем, опираясь на общеметодологические положения школы Дюркгейма. Через шесть лет, в 1925 г. вышла книга Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти». В ней «парадигма памяти» впервые была четко артикулирована, и стал очевиден вклад в ее формирование предшественников Хальбвакса – Дюркгейма и Чарновского. Введенное Хальбваксом понятие «коллективной памяти» обозначило предмет их исследовательских интересов.

Говоря о вкладе С. Чарновского в развитие *memory studies*, следует отметить в первую очередь его книгу о Святом Патрике и некоторые статьи, особое место среди которых занимают две его поздние работы: «Возникновение и социальные функции истории» (1937), а также «Прошлое и настоящее в культуре» (1936), перевод которой мы предлагаем сегодня читателю.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ В КУЛЬТУРЕ

Давно уже было сказано, что «человеческое общество состоит из небольшой горстки живых и огромной массы умерших». Ушедшие живут вокруг нас и в нас самих в виде своих материальных и духовных произведений. Мы смотрим на воздвигнутые ими памятники, используем изобретенные ими орудия, пашем расчищенные ими от лесов земли, засеваем их семенами выведенных и культивировавшихся ими культур. Наши институты, наши законы, моральные нормы, правила общения, эстетические вкусы были созданы в прошлом, иногда весьма отдаленном. Отдаленном настолько, что о нем исчезла уже всякая память. Лишь исследователь-специалист в состоянии открыть истоки многих из тех элементов культуры, которые современность использует, не задаваясь вопросом об их истории. Разве видя зажженные факелы, которые сопровождают процессию во время похорон в Варшаве, публика отдает себе отчет в том, что тут мы имеем дело с элементом обрядности, унаследованным от Древнего Рима? Однако это не что иное, как пришедший к нам в XVII в. из романских стран видоизмененный римский *funus* – смоляной факел, сопровождавший носилки с покойным. Украшенные зеленой растительностью пасхальные куличи происходят от культовых сирийских и финикийских «садилов Адониса Таммуса». С ними соседствуют вещи, насчитывающие едва лишь пару сотен, а то и только несколько десятилетий истории с момента своего возникновения, такие как декоративное искусство вырезания из бумаги, повсеместное исполь-

зование железного плуга и целый ряд средств коммуникации. Все они образуют наследие, все это – *прошлое*, отягощающее настоящее.

I

Однако отягощает оно его весьма неравномерно. Не все, что было, сохранилось. Действительно, некоторые элементы культуры сохраняют неизменный на протяжении веков облик и, во всяком случае на первый взгляд, неизменное значение. Существенно больше их оказались отвергнутыми, забытыми, утраченными. Другие вещи, и даже целые комплексы вещей, увядают на наших глазах, как, например, народные украшения. Во многих случаях последний удар им нанесли исходящие из самых лучших побуждений усилия, направленные на их оживление и техническое усовершенствование. Нужно ли напоминать о том, сколько для уничтожения оригинального закопанского искусства сделала школа резьбы в Закопане, а также в дальнейшем и пропаганда «закопанского стиля» способствовала появлению серийной продукции, так называемой «закопанщины», которая своей массовостью и дешевизной душист остатки горальского производства? Вся эта «закопанщина» уходит, начинает уже уходить в качестве составной части эстетической культуры Польши так же, как миновал уже целый ряд модных течений, художественных стилей, множество технологий производства. Так ушла готика, оловянные тарелки и кубки, прядение шерсти при помощи веретена дамами из лучшего городского общества, шарманки на варшавских дворах и лук в качестве боевого оружия. То же, что сохранилось из прошлого, сохранилось определенным образом. Оно уже не является абсолютно тем же самым, чем было когда-то. Это прошлое оказалось преобразованным, изменило свое место, имеет иной вес, чем во времена своего возникновения.

Посмотрим на игры и развлечения нас самих и наших детей. Во многих из них мы узнаем древние культовые действия или магические обряды. Такова, например, игра в «чижика», в которую играли еще не так давно, а, может быть, еще и сейчас играют ученики варшавских средних школ и ребята во дворах. Эта игра является ничем иным как древним обрядом бросания жребия. Игра в мяч ногами, в той ее разновидности, которая называется сегодня *football-rugby*, происходит от шотландского языческого культового обряда, во время которого пузырь с внутренностями принесенного в жертву быка старались забросить во двор соседа, защищавшего свои ворота. На этих двух примерах мы видим, насколько далеко может зайти изменение социального характера элемента культуры. Футбол, как и «чижик», был некогда очень важным видом деятельности в жизни группы, став сегодня лишь спортом или же детской забавой. Их место в общественной жизни перестало быть центральным, они пере-

местились на ее периферию, туда, где находятся те вещи и виды деятельности, которые не считаются более важными. Использовать подобные вещи, равно как и практиковать такие виды деятельности, можно свободно, как свободно можно их игнорировать или же пренебрегать ими. Нечто подобное случилось и с целым рядом повествований, которые были некогда священными мифами, связанными с культом, а сегодня служат исключительно для развлечения маленьких детей. Не иначе обстоит дело и со многими архитектурными элементами, играющими сегодня исключительно орнаментальную роль, но бывшими некогда, при иных материально-технологических условиях, существенными структурными элементами, такими, как, например, ничего уже ныне не поддерживающие и часто гипсовые кронштейны, висящие под балконами на железных балках.

Во всех этих случаях изменилась роль элемента культуры, его вес и его значение в коллективной жизни.

Во многих случаях мы можем наблюдать не только упомянутую уже смену «места» элемента культуры, но также и смену самой его природы, одним словом, изменение не только количественное, но и качественное. Бывший трон – находящееся на возвышении божественное и королевское седалище отца рода, предводителя племени, жреца, вождя – уже давно стал обычным креслом. Становясь все более распространенным, этот предмет утратил свое символическое содержание, перестал быть средством выделения и возвышения священной особы начальника над простым народом, сидящим на скамьях, а то и просто на земле, и стал обычным предметом мебели, доступным каждому и всего лишь более удобным, чем стул. В обычаях сохранились лишь едва заметные следы давнего достоинства трона-кресла. Это проявляется, например, в том, что в помещении, в котором находится вся семья, стоит иногда всего одно кресло, предназначенное для самого старшего или же самого уважаемого человека – деда, отца, бабки. Подобные качественные изменения происходят также и с элементами духовной культуры.

«Честь» современного джентльмена не включает в себя всех тех позитивных и негативных норм, которые содержала в себе «честь» средневекового рыцаря, включая зато иные, как и сам термин «благородство» – *nobilitas, noblesse*, имевший ранее иное значение. Сегодня под «благородством» мы понимаем определенный набор моральных черт, среди которых главенствует бескорыстие. Некогда же этот термин означал определенный способ поведения и действий, образ жизни, основанный, прежде всего, на демонстрации щедрости и великолепия. Так, например, Робер де Клари, хронист Четвертого крестового похода, использует термин *noblement* – «благородно» как синоним *rikement* – «богато», «великолеп-

но»; благородство для него – прежде всего то, что сегодня обычно называется «демонстративностью», соединенной с расточительностью.

Хотя прошлое и продолжает существовать в каждом моменте современности, с ним происходят далеко идущие качественные и количественные изменения. Мы увидим, что эти изменения обусловлены тем, что в широком смысле следует называть современностью. Они связаны со спецификой жизни коллектива в данный текущий момент. Словом, обремененная прошлым современность сама преобразует прошлое, меняет уклад его элементов, отвергает одни из них и ассимилирует другие, применительно к себе самой.

II

Попытаемся уточнить и одновременно подтвердить это утверждение путем краткого рассмотрения двух характерных фактов.

Первым из них станет история чрезвычайно широко распространенного – среди других народов и у нас самих – повествовательного сюжета о «сильном муже», иначе говоря, сюжета о Геракле. Сам сюжет не подвергся большим изменениям на протяжении нескольких тысяч лет, начиная с самых далеких исторических эпох, донесших его до нас в вавилонском, а, возможно, и в еще более древнем шумерском сказании о герое Гильгамеше. «Сильный муж», будучи младенцем и ребенком, уже отличается нечеловеческой силой, доказательством чего служат совершаемые им убийства чудовищ, чаще всего змея; затем, уже будучи юношей, он освобождает мир от диких зверей, великанов, тиранов, добывает богатства для своего народа, странствует по миру в поисках того, кого бы он мог победить, а также того, что он мог бы добыть. Никто не может противостоять ему, даже стражи царства мертвых, он входит в ад и выводит оттуда друга или же выносит сокровища, его любовные приключения неисчислимы, причем в итоге он добивается любви богини Иштар, или же ее человеческого воплощения. Погибает он вследствие коварства возлюбленной, поддавшись ее любовным чарам, или же благодаря предательскому использованию ее врагами как орудия мести; он – простой, с искренним сердцем; вся его мощь заключается в физической силе, поэтому более хитрый правитель часто ставит его себе на службу.

Как мы только что заметили, этот мотив пережил века и распространился по значительной части мира в почти совершенно неизменном виде. Отличается лишь трактовка некоторых эпизодов: так, Гильгамеш оттолкнул от себя богиню Иштар, сразу же предвидя ее будущее предательство. В то время как Самсон поддался Далиле, Геракл пал жертвой мести, для которой Кентавр использовал Деяниру. Меняется также вид побежденных существ: азиатские «могучие мужи» и Геракл разрываю

льва; северные, такие как скандинавский Тор, убивают чудовищ или душат медведя. Меняется также очевидно и фон, то западно-азиатский, то эллинский, то скандинавский, немецкий или польский. Все это, однако, имеет второстепенное значение. Важно то, что в зависимости от среды, которая питалась историями о вавилонском Гильгамеше, израильском Самсоне, греческом Геракле, римском Геркулесе, польских Покатигорошке или о Железной Палке, меняются установки, проблемы, представления, находящие свое выражение в повествовании. В результате герой становится воплощением и защитником совершенно разных ценностей. Гильгамеш – это царь города и его основатель, а история о нем – это царская легенда, рассказывающая о группе людей, которая боролась с богами и ужасными враждебными силами, а также с дикими зверями за право на жизнь и развитие. Самсон – герой борьбы Израиля с филистимлянами, он является народным героем и одновременно божьим слугой, свидетельствующим о том, что между Израилем и Предвечным установлен союз. Коварство Далилы было спровоцировано врагами израильского народа для того, чтобы погубить его, а месть Самсона, разрушающего здание, в котором собрались филистимляне, является победой над угнетателями. Следует обратить внимание на тот факт, что Самсон – «назарянин», т.е. человек, посвященный Богу, который, когда ему хитростью обрезали волосы, утратил основание своего особого, личного союза с Предвечным. Он давал обет, что железо не коснется его волос, поэтому временная утрата физических сил представляется здесь как санкция за несдержанное обещание. Самсон – герой народного религиозного союза, и в повествовании о нем в первую очередь выражаются главные социальные ценности народа, разделенного на целый ряд племен, так называемых «колен», единство которых выражается только в одном устойчивом институте – в культе Яхве. Недаром Самсон – «назарянин», человек, посвященный именно Яхве, а не иному богу.

Из всех разнообразных обличей и значений, которые приобретал образ Геракла–Геркулеса, соответствующий в греческо-римском мире Гильгамешу–Самсону, обратим внимание лишь на некоторые, особенно характерные. В Риме Геркулес, святилищем которого был Великий алтарь, Ага Махима, является в первую очередь покровителем купцов, перевозящих товары по не всегда безопасным дорогам, и вообще защитником всех путешественников от разбойничьих нападений. Это был культ купеческой корпорации, экспортеров и импортеров, которые из всех мотивов, связанных с образом Геркулеса, придали основное значение именно теме его далеких странствий, которые он совершал по неизвестным и небезопасным путям. Для этих купцов Геркулес стал своего рода сверхъестест-

венным проводником и начальником сопровождавшего их охранного эскорта. Он превратился в своеобразного «божественного полицейского». Защитником гармонии является также и позднеримский Геракулес в императорском культе верховных государственных богов. Он сопутствовал Капитолийской троице – Юпитеру, Юноне и Миневре – как воплощение божественной физической силы государства, принуждающей беспокойные элементы к повиновению закону, способной в зародыше пресечь всякую попытку бунта. Подобно тому, как Геракл–Геркулес очистил мир от чудовищ и освободил его от тиранов, Цезарь обеспечивает гармонию и порядок в государстве, карает мятежников и побеждает агрессоров. Доходит до того, что некоторые императоры, такие как Коммод и, позднее, Максимус, провозгласили себя воплощениями Геркулеса, выражая, таким образом, то, что они являются олицетворением общественной мощи, удерживающей государство в мире и безопасности.

Другой эпизод, связанный с Гераклом, несущим колонны на край света, выступил на первый план и был присвоен в культе Геракла, созданном древними мореплавателями, а также на много веков позднее, – мореплавателями Нового времени и всеми теми, кто этих мореплавателей финансировал и пользовался результатами их деятельности. Это – городские купцы, занимающиеся заморской торговлей, владыки царств, стремящиеся к открытию новых морских путей и к овладению неизвестными землями, гордый городской патрициат, обогащающийся на международной торговле. На переломе Средневековья и Возрождения (особенно в эпоху Возрождения), иначе говоря, на протяжении всего периода Великих географических открытий и первой европейской морской экспансии, Геракл, которому удалось достичь последних пределов мира и в ознаменование конца путешествия поставить там свои колонны, стал воплощением дерзновенности пускающегося в неизвестные океанские просторы мореплавателя и, одновременно, одним из символов колониальной торговли. Недаром среди изображений, украшающих свод зала Совета познаньской ратуши, мы видим Геракла. Здесь он странствует, нося подмышками две колонны, ведь среди городского патрициата Познани колониальные купцы играли не последнюю роль.

А сейчас перед нами предстанет другой Геркулес, точнее – несколько разных Геркулесов, воплощающих моральные или религиозные ценности. История о Геракле дождалась соответствующего изложения в спасительных культурах мистических сект древности, а именно в орфизме и неопифагореизме. Служба Геракла у Эврисфея учила здесь тому, что человек находится в неволе собственных желаний и внешних материальных сил; труды героя, его борьба с чудовищами и тиранами, далекие странст-

вия должны были в переносном смысле означать победы, которые адепты секты одерживал над искушениями и над духовными силами, старающимися сбить его с дороги спасения; вхождение Геракла в ад и возвращение обратно с победой указывали на то, что истинно верующий, соблюдающий все предписания, побеждает саму смерть и будет жить после нее, иной, прекрасной и красивой жизнью, то есть означали уверенность в достижении спасения. В такого рода повествование и переработал всем известный эпизод «Геракла на распутье» греческий философ V в. до н.э. Продик Кеосский. Герой встречает на своей дороге двух невест. Одна, обаятельная и игривая, влечет его на удобную дорогу, в конце которой его ожидает блаженство. Другая, суровой красоты, указывает ему дорогу, усеянную камнями, полную препятствий и опасностей, дорогу утомительную и трудную; единственной наградой за труды будет на этой дороге собственное удовлетворение от одержанной победы и немного славы. К первой дороге стремятся люди, поддающиеся своим желаниям, к другой – люди чести. Геракл выбирает вторую и становится воплощением твердой, бескомпромиссной добродетели, не ждущей никакой награды. Известно, что обогащенное этим эпизодом повествование приобрело характер апологии морали, способной укреплять добродетельность и мужество, и как таковая играла не последнюю роль в Средневековье. «Геракл на распутье» в тот период является одной из излюбленных тем морализаторских фигуративных образов – миниатюр и барельефов.

Обратим также внимание на Геракла, становящегося воплощением трудящегося класса, типичным представителем народа, служащего другим, имеющим лучшее происхождение и более ловким, подобно тому, как их прототип служил Эврисфею. Часто это бывает смешной, даже карикатурный герой, такой как Геракл древнегреческого фарса или *atellany*, такой, каким в некоторых песнях «Эдды» предстает скандинавский аналог Геракла – Тор. Обжора и пьяница, неукротимый бабник, бахвал и при этом человек бесконечно добродушный, которого легко смягчить и даже растрогать, не менее легко, чем обмануть и использовать; человек, который свои силы направляет всегда на благие цели, но иногда не отдает себе отчета в последствиях их применения. В конце концов, например, в великопольской легенде о Железной Палке или в немецкой – о Сильном Муже, добрый силач осознает, наконец, что им помыкают, и наказывает своего угнетателя. Впрочем, само это наказание бывает представлено так, что добрый силач не имеет намерения убить, так, как если бы эпилог, трагичный для эксплуататора, возник только из-за безмерной силы угнетаемого. Так, эксплуатируемый и обманутый польским шляхтичем парень Железная Палка вызывает в кон-

це своего пана на поединок на кнутах. Начинает пан, и специально наносит силачу самые болезненные удары, которые, однако, Железная Палка переносит как укусы комара, после чего под кнут ложится пан, и Железная Палка, желая только слегка его ударить, разрубает пана кнутом пополам, однако не оплакивая его и вступая во владение господским имуществом и богатствами, которые когда-то сам создал и добыл для своего угнетателя, своим собственным трудом и усилиями.

III

Образ Геракла кажется нам хорошим примером одновременно и устойчивости некоторых элементов культуры, и перемен, происходящих с ними. Образ оставался тем же самым, начиная с бронзового века, а возможно и с энеолита, в котором жили создатели эпоса о Гильгамеше, до сегодняшнего времени, ведь и сегодня он используется в литературных произведениях, примером чего служит «Gaspar Ruiz» Джозефа Конрада.

К вопросу об устойчивости мы вернемся через минуту. Что же касается изменений, то мы замечаем, что они происходят как в количественном, так и в качественном направлениях, как в отношении того места, которое эта история играет в духовной жизни питающейся ею группы, так и в характере самого повествования, попеременно то религиозного, то морального, то развлекательного, то психологического. Так, в упомянутой новелле Конрада основной темой является проблема вечной борьбы женщины с мужчиной, проблема слабости героя, физическая мощь которого, храбрость и благородство оказываются в подчинении у красоты, воплощенной в хитрой и пустой женщине. Видим мы также и то, что между этими изменениями и средой существует зависимость. Точнее, возникает она между количественными и качественными изменениями элемента культуры и организацией функции среды. Еще точнее – между ними и материальной и духовной структурой человеческой группы и функционированием этой структуры.

Несомненным фактом является то, что основная тема интересующего нас повествования – усилия, страдания и победы человека, борющегося с внешними силами за освобождение, достижение материальной и моральной свободы, *гарантии*, ревниво охраняемые материальными силами. Именно в этом заключена тайна устойчивости образа Геракла. Он так же вечен, как вечна борьба человека с тем, что его угнетает, притесняет и эксплуатирует. Однако, в зависимости от характера группы и состояния развития общей культуры общества, от уровня материального и духовного развития, меняется характер враждебных сил и сам герой становится представителем разных ценностей. В шумеро-аккадской куль-

туре Гильгамеш борется с богами, сверхприродными владыками земли и вод, урожая и засухи, здоровья и болезни, жизни и смерти, борется за саму возможность существования и развития того поселения, которое он основал, царем, вождем и естественным представителем которого он является. Он добывает у богов то, что людям необходимо для жизни, подобно подарившему им огонь греческому Прометею. Эпопея Гильгамеша – это эпопея человеческого сообщества, стремящегося создать условия для своей профанной, «обыденной» жизни наряду со сферой сакрального и определить между ними границу, за пределами которой власти богов был бы положен предел. Это – эпопея группы, устанавливающей условия заключения союза с землей и с богами в процессе совершаемого ею насильственного захвата земли и принуждения богов пойти им на уступки.

Насколько можно судить, исходя из современного состояния исследований, не иначе обстояло дело и в ранних повествованиях о Геракле, по крайней мере, о дорийском Геракле. Ведь греческое племя дорийцев – тоже захватчики. Огнем и мечом завоевали они те территории, на которых мы их обнаруживаем в исторический период времени. Прежде чем обосноваться на этих землях и подчинить себе тех, кто прибыл сюда раньше, они должны были сломить их физическое и духовное сопротивление, захватить землю, людей и их богов. Во всяком случае, очень знаменательным представляется тот факт, что дорийские династии выводили свое происхождение от Геракла.

Таким светским Гераклом – конечно, «светским» лишь в определенном значении, поскольку, будучи героями, они все же стоят выше людей и причастны божественной природе, становясь после смерти объектами религиозного культа, – этим светским героям противостоят иные герои, имеющие полностью мифический характер. У неопифагорейцев и орфиков Геракл, действительно, также является человеком, но таким человеком, который стал орудием божественной воли. Он борется не с добрыми и благосклонными богами, а с чудовищами, с миром тьмы и зла. Кроме того, история о нем не занимает центрального места в упомянутых сектах. Это место отводится здесь для историй об основателях – Орфее и Пифагоре, предшественником, и если использовать теологическую терминологию, первообразом (prefiguracjа) которых является Геракл. Иным представляется нам вновь и образ Самсона, т.е. Гильгамеша, преобразованный сообществом почитателей Яхве, приспособленный к специфическим условиям Израиля до начала царского периода.

Нужно ли еще более подробно обсуждать сословно-классовые трансформации Геракла? Одни из них возникли, несомненно, в среде людей, социально доминирующей над теми, черты которых высмеива-

ются в историях о герое выпивки и обжорства, оборванце и наивном бабнике. В «Эдде» есть место, дающее представление о разговоре изысканного, ученого Одина, бога правящих *ярлов*, знающего *руны*, с Тором, который приходит босой, в заплатанной рубашке, с остатками овсяной лепешки в мешке. Аристократичный Один вступает в полемику с этим безграмотным богом *буров*, простых крестьян, с взлохмаченной бородой и шевелюрой и изысканно над ним иронизирует. А глупый Тор все это принимает за чистую монету. Большинство этих самых черт, но, скажем так, рассмотренных с другой стороны, характерны также и для Геракла, и для всех героев того же типа, которые являются героями класса, занятого физическим трудом. Тут также выступают смешные черты, происходят юмористические эпизоды. Трудовой народ во все эпохи и во всех странах охотно смеется, охотно создает карикатуры, даже на самого себя. Во всяком случае, как мы видим в рассказах о немецком Сильном Муже, о польских Покатигорошке и Железной Палке, в характере этих народных Гераклов, с одной стороны, господствует большое добродушие, а с другой – буйность. В эпизодах повествований видна глубокая вера в творческую мощь физической силы, проявляющейся в труде и в борьбе против неправды. Сильный Муж, Железная Палка, а также, в некоторых созданных на основе «Эдды» произведениях, и Тор являются идеальными образами, соединяющими в себе те черты, которые трудящиеся классы ощущают как свои собственные, как важные для себя. Эти классы любят своих Гераклов, потому что смотрят в них как в зеркало, делающее их красивее.

IV

Мы рассмотрели несколько различных типов Геракла и обнаружили, что в каждом отдельном случае мы имеем дело формально с героем повествования и тем самым (образ его не меняется или меняется незначительно) на самом деле с иным героем. При этом мы пришли к выводу, что в каждом случае решающее значение для выбора направления изменения образа героя имеют социальные условия, т.е. актуальный характер человеческого сообщества, его роль и функция в социальной целостности, способ деятельности этой социальной среды. Аристократия и народ, религиозные секты, церкви, грамотные и деревенские батраки трансформируют Геракла на свой манер. Каждый в своих интересах актуализирует его образ. Именно такая актуализация является условием устойчивости этого стародавнего героя и рассказа о нем. Прошлое тут живет в настоящем как его составная часть, в зависимости от той степени, в какой оно приспособилось к настоящему, и в какой социальное настоящее его трансформировало.

С другой стороны, однако, мы заметили, что нечто из прошлого осталось неизменным в настоящем. В наших повествованиях это формальный момент, сам образ. Обстоит ли дело таким же точно или подобным образом и с иными элементами культуры, переданными из прошлого?

Да, это так и есть. Мы не можем тут вдаваться в сравнительный анализ деталей. Ограничимся здесь по необходимости лишь утверждением, что, как и в случае с повествованием о Геракле, иные литературные образы тоже характеризуются очень большой степенью устойчивости, путешествуя через моря и континенты так же, как и через века. При этом то, чем эти образы наполняются, содержание воображения и чувств, основанных на них повествований, их моральная, религиозная, эстетическая окраска, все это меняется во времени и пространстве. Именно это каждый раз и составляет ценность данного повествования для нынешней эпохи. Все же количество этих повествовательных образов ограничено и практически все они передаются как наследие прошлого. Тем не менее, каждый период времени, практически каждое десятилетие, создает новые повести, романы, поэмы, которые на самом деле являются новыми, приспособленными к потребностям, интересам, к так называемому «вкусу», писателей и читателей данной эпохи. «Творец», поэт или писатель, собственно, является переработчиком, интерпретатором прошлого в том направлении, которого требует современность, он является тем, кто художественными средствами создает современность, представляя ее в форме прошлого.

То, что мы говорим о литературном творчестве и литературной «традиции», следует распространить и на все другие сферы культуры. Не нужно доказывать, что мораль выдвигает перед личностью и обществом разные требования, в зависимости от эпохи и социального класса. Неужели же, однако, подавляющее большинство моральных максим, на которые мы ссылаемся сегодня, не было сформулировано в незапамятные времена? Неужели же, например, заповедь «возлюби ближнего своего как самого себя» не является очень старой заповедью? Но практическое применение этой заповеди, понимание и применение термина «возлюбить» и термина «ближний» в каждый период времени разные, они являются разными и в каждом обществе, и в каждом классе. Следует ли, например, бедному ближнему дать подаяние, или следует дать ему работу? Этот вопрос разрешался в Средние века иначе, чем сегодня. Можно ли владеть своим ближним в качестве раба? В нашем понимании нет, но добрые христиане и даже епископы и проповедники VI или VII веков нашей эры не усматривали в этом никакого противоречия с процитированной выше заповедью. Ведь аббатство и епископы позво-

ляли, чтобы их собственные *колоны*, то есть зависимые земледельцы, покупали и продавали рабов и сами покупали и имели невольников.

Наиболее, пожалуй, явно обсуждаемое здесь взаимное отношение того, что сохраняется сегодня из прошлого, и того, что остается в прошлом и заменяется чем-то другим, проявляется в сфере технической культуры. Этим понятием мы обозначаем равно как способы добывания и переработки материальных благ, так и способы их использования в смысле употребления, а также сами виды созданных и использованных благ. В этой области прошлое тяготеет над настоящим и определяет само это настоящее в той очень значительной степени, поскольку существующие во внешней реальности материальные объекты и совокупности этих объектов заставляют человека приспособляться к себе. Техника прядения шерсти на ручной прялке определяется самой ручной прялкой и не может быть другой, чем та, которую применяли предки, начиная от гречанок времен Гомера до сегодняшних кошубских селянок, прядущих в поле, выпасая стада. Чтобы в этой специфической области прошлое исчезло или оказалось измененным, требуется изменение самого инструмента, нужно, чтобы было изобретено и принято веретено, которое механически выполняет часть движений пряжи и определяет те движения, которые остается выполнить вручную. Этими переменами мы займемся в одном из следующих наших очерков. Заметим здесь только то, что произошедшее в прядении произошло также и в иных областях техники производства и потребления. Во всяком случае, старая техническая культура сохраняется до тех пор, пока не возникло обусловленное хозяйственными и социальными переменами изобретение, приводящее к замене старого орудия или ранее используемого предмета новым предметом или орудием. Догма заняла место старой догмы, так же как эта последняя заняла место ранней, даже доисторической плавильной ямы. В домах больших городов центральное отопление вытеснило изразцовые печи с топкой, предназначенной для каменного угля, так же как эти печи, в свою очередь, заменили более старые, предназначенные для сжигания дров, которые когда-то вытеснили каминные, а те, последние, были еще раньше эпохальным изобретением, позволившим отказаться от разожженного на камне открытого огня. Надо ли говорить, насколько вся организация домашней жизни, ее модели и произведения отличаются в жилище, обогреваемом батареей, от тех, которые имеют место в задымленной избе, посреди которой лежит плоский камень, а на нем горит огонь? Достаточно вспомнить выражение «жрица домашнего очага», которое когда-то имело совершенно конкретное значение, а сегодня является лишь претенциозной метафорой, свойственной стилю второстепенных публицистов.

Словно чудом заключенное в материальных предметах прошлое окружает нас повсюду и определяет нашу жизнь, а тем самым и ограничивает современность тем в большей степени, чем более хорошо организованным оно является, чем более разнородным оказывается число материальных предметов и чем более одни из них зависят от других. Тут возникают два феномена, являющиеся проявлением двух противоположных тенденций. С одной стороны, организованное и функционирующее в рамках современности прошлое затрудняет возможность своего видоизменения под влиянием настоящего. Так, развитие железных дорог задержало на несколько десятилетий изобретение практичных двигателей внутреннего сгорания, а современная металлургическая промышленность для того, чтобы продолжать функционировать так, как она функционирует, не допускает производства стальных бритв с нетупящимся острием. С другой же стороны, именно разнообразие и высокая степень технической организации создает условия, в которых появляются все более многочисленные и все более разнородные изобретения и научные открытия, которые, хотя и не всегда непосредственно, находят практическое техническое употребление, возникают на пересечениях проблем, имеющих своим первоисточником технический прогресс. Достаточно вспомнить о возникновении воздухоплавания, которое стало возможно благодаря двум предшествующим изобретениям: корабельного винта, от которого происходит авиационный пропеллер, и двигателя внутреннего сгорания. Не иначе дело обстоит и с выдающимся прогрессом теоретической физики последнего времени. Она не служит технике непосредственно, однако из техники и из ее потребностей в значительной мере она и возникает, а именно – из развития электротехники, а также – производства взрывчатых веществ. В устойчивости и изменениях человеческой техники мы наблюдаем, пожалуй, наиболее ясно взаимные отношения современности и прошлого, отношения, приобретающие характер неустанной борьбы за трансформацию прошлого, за вытеснение его современностью. Борьбы, которая, кстати говоря, является условием самой жизни. Пали те великие культуры, в которых настоящее не смогло победить нагромождений прошлого. Пустыня покрывает песками руины некогда великолепных городов над Евфратом, а история средневековой и современной Европы дает нам много примеров перемещения центров культуротворчества из одних стран в другие. Из тех мест, которые оказались неспособны трансформировать груды произведений прошлого, туда, где развитие начиналось с той точки, в которой первые нашли свой конец.

V

Мы употребили слово «борьба» вполне осознанно. Ведь каждое поколение людей, а тем более каждый возникающий социальный класс появляются на арене, заполненной идеальными и материальными произведениями, созданными старшими поколениями и благодаря прежнему социальному укладу. Они должны освободиться из-под этих завалов прошлого настолько, чтобы, по меньшей мере, овладеть ими и присвоить их, трансформировать это прошлое по своему образцу. Те элементы, которые не позволяют себя присвоить таким образом, оказываются отброшенными за рамки организованной социальной жизни, на огромную свалку отходов, составляющую маргиналии культуры и называемую «фольклором». Эта свалка становится тем богаче, чем живет в данном обществе происходят культурные изменения. Бывает так, что на протяжении долгого времени эта борьба остается мало заметной, выражаясь лишь в небольших недопониманиях между представителями младшего и старшего поколений в таких вопросах, как эстетический вкус, формы общения, одежда и косметика, приверженность тем или иным вредным привычкам. В каждый период времени отцов и матерей, а особенно — дедов и бабок, огорчает образ жизни и пристрастия молодых, танцующих румбу вместо якобы «приличного» вальса, так же огорчавшего некогда лорда Байрона, увлекающихся современной поэзией и прозой и неудовлетворенных литературой вчерашнего дня, рисующих в футуристической, а не в импрессионистской манере, которая так же в лице первых импрессионистов огорчала в свое время позавчерашнее поколение. Молодые, которым старшие кажутся посмешищем, если не прямой помехой, платят им взаимностью. Эта борьба, примеров которой история знает немало, становится подчас очень шумной. Это происходит тогда, когда она разыгрывается в правящем, задающем тон, классе. Надо ли напоминать здесь о *querelle des anciens et des modernes*, о том известном споре приверженных старым и новым образцам французских литераторов XVII века, или же те инвективы, которыми почти сто лет осыпали друг друга классицисты и романтики?

Тем не менее, эти столкновения остаются, скажем так, периферийными до тех пор, пока они не выходят за рамки духовных изменений в рамках того класса, в лоне которого они разыгрываются. Культура всего общества не испытывает от этого таких изменений, которые бы нарушали ее фундамент. Это происходит только в момент кризиса, который уже является не только духовным — настолько, насколько такой чисто духовный кризис вообще возможен, — но и социальным кризисом. Про-

исходит это тогда, когда созревают до переворота уже не просто противоречия между младшим и старшим поколением одного и того же социального класса, а между «молодыми», т.е. неполноправными, и «старшими», т.е. правящими классами. В таком случае сама основа культуры меняется, и хотя многое из прошлого осталось сохраненным, однако в этой постреволюционной культуре оно играет уже совершенно иную роль, становится чем-то другим по сравнению с прошлым. Послереволюционная демократическая Франция и сегодня еще воспитывает молодежь на Расине и Мольере. Советская Россия издает массовыми тиражами произведения классиков царских времен. Очевидно, однако, что «Федра» и «Мизантроп», «Евгений Онегин» и «Ревизор» не являются для нынешней французской или российской публики теми же самыми произведениями, какими они были в период правления «Короля Солнца» или Романовых. Можно таким образом выделить периоды относительной стабилизации культуры и периоды переворотов. Первыми следует считать те эпохи, в которых доминирует прошлое. Доминирует в том смысле, что современность преобразует его в меньшей степени, чем сама приспособляется к нему. Это происходит тогда, когда идеальные и материальные элементы данной культуры превращаются в настолько сплоченную органическую целостность, что сила ее отпора превосходит все попытки перемен. Каждое поколение вносит в эту культуру что-то новое, приспособлявая часть элементов прошлого к своим актуальным потребностям, но делает оно это, опираясь на почву культуры прошлого в ее целостности. Тут возникает явление, напоминающее то, которое сопровождает передачу собственности по наследству. Наследник становится теоретически господином своего наследства. Он имеет право и теоретическую возможность его «употребления» и «злоупотребления» им, как говорит нам принцип римского права. Фактически же наследство господствует над наследником, пожалуй, в большей степени, чем он над ним. Господствует благодаря материальным условиям, ограничивающим возможности «употребления» и «злоупотребления»; господствует оно также благодаря тому, что в психике собственника сам факт владения формирует моральные и хозяйственные установки, соответствующие интересам класса собственников, а не только лишь исключительно его собственные. Разве каждый из нас в кругу своих знакомых не наблюдал людей, которые «изменились» с того момента, когда из тех, кто зарабатывает средства к существованию собственным трудом, они превратились в собственников? Подобно этому в периоды относительной стабилизации культуры молодое поколение оказывается сформированным массой организованных в одну единую культурную целостность матери-

альных и духовных элементов, которые, с точки зрения личности, существуют объективно, так же как с точки зрения собственника объективно существует не только объект собственности, но и она сама.

Во всех известных нам обществах, а внутри организованных обществ – во всех господствующих классах и организациях собственников возникают отдельные органы или институты, функцией которых является формирование молодых поколений в соответствии с традиционной моделью, иначе говоря, удержание прошлого в настоящем. Так называемые первобытные общества воспитывают свою молодежь на культе мифологической традиции и готовят ее к служению старейшинам, которые, например, у австралийцев, являются одновременно и теми, кто управляет, и хранителями клановой традиции. Прежде чем молодой человек будет признан полноправным членом группы, он должен пройти посвящение, ритуально умереть и вновь родиться в качестве одного из предков. Он должен пройти через ряд испытаний, подобно тому, как и сегодня, молодой человек будет признан полноправным членом передовой в культурном отношении группы тогда, когда пройдет через школу и выдержит ряд экзаменов. Современные дипломы играют роль социального знака того, что их обладатель причастен к наследию, переданному прошлыми поколениями.

Характерно также то, что чем более высокое положение занимает данный социальный класс, чем дольше он занимает свои руководящие позиции в обществе, тем более он озабочен прошлым с тем, чтобы его, скажем так, монополизировать, тем более он ссылается на историю, тем дольше продолжается в нем период воспитания, тем более он старается сформировать свою молодежь по образцу того, что было, но не того, что может быть в будущем. Показательно и то, что история – форма осознания устойчивости и продолжительности существования группы – в равной степени, как легендарная история, так и история, опирающаяся на научную критику источников, возникала повсюду как выражение интересов разного рода аристократий, в то время как религиозные организации занимают в целом внеисторические позиции. В этом нет ничего удивительного. Опираясь на якобы неизменное откровение, которое произошло вне времени, либо (что в итоге приводит к тем же выводам) до начала всякого времени, они понимают современность и прошлое как содержащиеся во вневременном абсолюте. То, чем они занимаются, называя это историей, является апологией истины откровения, проявляющейся в исторических событиях. Именно такой была, например, «история» средневековых монахов. Иначе дело обстоит у аристократии. На протяжении долгих веков задачей культивируемой ею истории было

продемонстрировать превосходство, героизм, добродетель предков, представить прошлое как образец для современности. Сегодня мы ожидаем от истории генетического объяснения современности, однако многие историки и все программы обучения истории ставят перед ней иные задачи, а именно – задачи морального характера, задачи по формированию психики молодежи в направлении почтения к прошлому, любви к прошлому, его «понимания» в смысле способности его пережить. Мы не ошибемся, если будем считать эту, гуманистическую по своему духу, историю, попыткой обоснования современного положения вещей при помощи прошлого, средством оправдания, и тем самым продления, существования прошлого путем придания ему особой эмоциональной ценности. Такой истории противостоит объясняющая история. Тем не менее, история, которая занимается оправданием прошлого, психологизацией и морализаторством, выполняет социальную функцию по психологическому формированию людей в том направлении, которое требуется для господствующих групп и правителей.

Однако и эта история меняется с каждым поколением, так как с каждым поколением меняются цели и методы воспитания. Это происходит потому, что современность не теряет своих прав даже в самой традиционалистской группе. Мы постоянно меняем наше отношение к прошлому, постоянно работаем над его трансформацией, над тем, чтобы оно стало настоящим. Ибо прошлое может иметь продолжение только как настоящее, настоящее же является трансформированным и актуализированным прошлым, а также рождающимся будущим.

БИБЛИОГРАФИЯ

Czarnowski S. Dawność a terażniejszość w kulturze // w: tegoż, Dzieła, t.1: Studia z historii kultury, Warszawa 1956. S. 100–113.

Перевел с польского А.Г. Васильев

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, зам. директора Института «Русская антропологическая школа» Российского государственного гуманитарного университета; *vasal2006@yandex.ru*